

Восток — Запад

Т.П. Григорьева

Слово о ДЗЭН

Попробуем понять, почему, несмотря на прозрения древних, прорывы в неведомое, истинно-сущее, человечество продолжает пребывать в неведении, как будто не слышит и не видит того, что происходит в мире, почему оно своими действиями приближает его конец. Попробуем понять, в чем причина парадокса: любя себя, привязываясь к собственной жизни, мы разрушаем ее. Это тем более удивительно, что все ответы на эти вопросы прозвучали по крайней мере за две тысячи лет до нас.

Вспомним, Будда увидел причину страданий в привязанности к собственному «я», неистинному, вторичному, и поведал способным услышать четыре благородных истины, ведущих к спасению: все пребывает в страдании — *дукхе*; есть причина страданий — это жажда иметь, обладать чем-то; но раз есть причина, она может быть устранена. Следуя правильному Пути, приходят к полному освобождению — Нирване.

Эти истины открылись Будде в момент Пробуждения — *Бодхи*, но, значит, до этого и его сознание было непробужденным, т. е. спящим. (Вспомним сетования Г. Сквороды: «Весь мир спит!») Что же отличает спящее сознание от пробужденного и что способен увидеть человек, чье сознание очистилось от «загрязнений» (санск. *клеш*): гневливости, зависти, алчности, суетности, глупости, сквернословия, мнительности?

Прежде всего он увидит, что все, омрачающее его жизнь, он создает сам, не отдавая себе в этом отчета: влекомый жаждой впадает в зависимость от вещей, которые заслоняют от него свет Истины, приучают к несвободе. А вне свободы ничто состояться не может. И так будет продолжаться, пока он не избавится от «неведения» (*авидья* — букв. затемненности сознания).

Есть в этом мире нечто абсолютное, невидимое и неслышимое, но истинно-сущее, что не может исчезнуть, а стало быть, не может не воздействовать на жизнь человека. И беда, если народ или человек теряет ощущение «как бы двойного бытия» (по Тютчеву) присутствия высшего смысла в жизни, теряют веру в безупречность и неизбежность ответа за содеянное. Если нет ничего святого, значит, все дозволено, и тогда конец. Конец, к которому ведет превратно понятая свобода. Отпадая от духа, все впадает в хаос, превращается в стихию. Превращаясь в стихию, самоуничтожается. Утратив связь с первичным Бытием, сознание теряет видение истинного смысла вещей: принимая тварный мир за единственно возможный, впадает в отчаяние, становится «несчастливым»¹. Сознание потому становится «несчастливым», что теряет путь к себе, к своему истоку, принимая эфемерное за действительное. Если же теряется связь человека со Вселенной, души с духом, то все начинает дробиться.

Но тому же сознанию присуща способность восстанавливать свою целостную природу. Всякое явление, выросшее из духовной Реальности, от человека до искусства, обладает способностью самовозродиться, если предоставить его самому себе, свободному самовыражению. Сущест-

вует некая точка, которую у нас называют «критической», а на Востоке «Великим Пределом», когда движение самоестественно начинает обратный путь, чтобы не сколлапсировать, избежать последствий нарушенного Равновесия. Важно не упустить этот момент. «Возвращение к истоку есть свойство Дао»². *Дао* — это Путь, предназначенный миру во спасение. Как все живое, приобщенное к духу, земное *Дао* пульсирует, то сжимается, то расширяется по закону *инь-ян*, шаг за шагом приближаясь к Истине или Свободе.

То теряется, то возвращается ощущение того, что «Явленное Дао не есть извечное Дао»³. Значит, существует нечто невидимое, но извечное, и важно не принимать временное, находящееся в обращении, за вечную Истину. Иначе не вырваться из заколдованного круга, не преодолеть дурную бесконечность, ведущую в никуда или ко все возрастающей зависимости. Вместе с тем и человеческое деяние извечно, если причастно Истине. «Явленное и неявленное, — продолжает Лао-цзы, — они одного происхождения. То и другое назову глубочайшим. От одного глубочайшего к другому — врата в сокровенное»⁴. Извечен и Логос: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут»⁵. А говоря словами Св. Августина, «То, что было произнесено, не исчезает; чтобы произнести все, не надо говорить одно вслед за другим: все извечно и одновременно <...> это известно вечному разуму, в котором ничто не начинается и не перестает быть. Этот разум и есть слово Твое»⁶.

И когда возвращается ощущение того, что существует извечное Слово, или извечное *Дао*, единая Реальность, видимая и невидимая, то восстанавливаются прерванные связи, связь времен. В памяти оживает то, что давно открылось уму, но было предано забвению. Рожденное в Духе не может исчезнуть, исчезают лишь явленные формы, но вечен мировой порядок, или восхождение сущего к Свободе. В историческом движении времени одно уходит, другое приходит, но помимо, поверх текущих вещей существует вечное Над, изначальная Программа, Божий Промысел. Иначе говоря, во всем есть две

¹ В отличие от Будды и его последователей экзистенциалисты, судя по признанию Сартра, не видят выхода: «Человеческая реальность в своем бытии — реальность страдания, потому что она возникает к бытию, постоянно преследуемая прообразом полноты; она есть эта полнота и вместе с тем не может ею быть, ибо не может быть бытием-в-себе, не теряя себя как бытие-для-себя. По природе своей реальность человека — это несчастное сознание, без всякой надежды выйти из состояния несчастья» (Цит. по: Человек и его ценности. Ч. 1—2. М., 1988. С. 105).

² *Лао-цзы*. Даодэцзин, 40. Лао-цзы цит. по: Сочинения китайской классики. В 20 т. Токио, 1968. Т. 6.

³ Даодэцзин, 1.

⁴ Там же.

⁵ Мф., 24. 35.

⁶ Исповедь Блаженного Августина, XI, 7, 8.

природы: небесная — первичная, неизменная, благая, где все Едино; и земная — вторичная, преходящая, многообразная, где все разрознено и противоборствует, если не согласуется с законами Неба или со своей изначальной сущностью.

Наверное, «извечное Дао» в меньшей степени было предано забвению на Востоке. Нас, пожалуй, удивят слова крупнейшего японского философа Нисида Китаро (1870—1945): «Конечно, в ярчайшем развитии западной культуры, которая воспринимает форму как бытие и верит в созидание добра, немало того, что заслуживает уважения и чему мы должны учиться у них. Но не скрыто ли в основе восточной культуры, доведенной нашими предками за прошедшие тысячелетия до совершенства, стремление *видеть форму бесформенного, слышать голос беззвучного*? Наша душа постоянно стремится к этому, и я хотел бы создать философию, отвечающую этому стремлению»⁷.

Невозможно понять японский образ мышления, их традиционное искусство, не принимая во внимание настроенность на изначальность Небытия, Ничто, которое есть Все, полнота мира. Все остальное — стиль, метод, логика — проистекает отсюда. Ничто — источник Бытия, откуда все появляется и куда возвращается для нового проявления. Оттого нет страха перед ним, есть доверие и взывание к Ничто, как у японской поэтессы Румико Коро (р. 1932 г.) в стихотворении «Дерево»:

*В этом дереве
Есть дерево Небытия,
Его ветви колышутся от ветра.
В полоске синего неба
Есть полоска Небытия,
Ее пронзила птица.
В лике женщины
Есть лик Небытия,
В нем сочится живая кровь.
В этом городе есть город Небытия.
Его площадь шумит, как обычно.*

На Западе совсем другое отношение к Небытию, как к отсутствию чего бы то ни было, концу, абсолютному исчезновению, «меону», или как к космической тьме, существовавшей до творения и наводящей ужас. Разве что великие мистики пронизали природу Ничто, такие, как Экхарт, Бёме, Бердяев, прозревая во всем, что видишь и слышишь, нечто большее, в каждом человеке — Божью искру.

Путь к истинной свободе — в непорабощенности сознания, в непривязанности к вещам, в преодолении того, что стоит между Истиной и мнением, в ощущении запредельности идеи или образа, о которых нельзя

⁷ Нисида Китаро. ПСС. Т. 1. Токио, 1948. С. 6.

東方梅早賦士之
布施八滿天
宜和
心廣屏
慶長

знать заранее, полагаясь на известное⁸. Эти образы существуют независимо от человека и выше его понимания, но когда-то были ему доступны, когда не огрубели еще нравы. Древние мудрецы Китая видели небесные знаки: «Глядя вверх, наблюдали небесные письмена. Глядя вниз, постигали законы земли. Так узнавали законы явного и неявного», — сказано в древнем комментарии к Ицзину — Книге Перемен «Сицчжуань»⁹.

Потом эта способность видеть невидимое была утрачена, но не абсолютно, давала о себе знать в моменты творческого порыва. Все великие поэты видели изначальные образы, как Шекспир: «Развей прообразы вещей и семена людей неблагодарных» («Король Лир»).

Или А.К. Толстой: «Гщетно, художник, ты мнишь, что творений твоих ты создатель. Вечно носились они над землею, незримые оку». Изначален и образ души народа, который выражает себя в образе мышления, а образ мышления — в национальном языке, понимаемом широко, как язык жеста, музыки, танца, письма, всевозможных видов искусства. Если корни сущего изначальны, хотя и невидимы, то все явленное имеет общую Основу и может быть осознано, исходя из этого.

Собственно, и религиозное сознание, и культура в своем высшем проявлении свидетельствуют о глубинном единстве человеческой природы, изначальной Реальности, откуда сознание черпает силу. Истина постигается глубинами души, незамутненным сердцем, в «чистом опыте», как скажет Нисида Китаро, — в момент прорыва в божественное Ничто. Если же идеи или образы черпаются не из божественного источника, то они так же быстро исчезают, как появляются, не остаются в памяти, не меняют основ жизни. Потому Нисида и говорит о логике Небытия (*му-но рирон*), или логике Целого, непредубежденного знания, недоступного несвободному уму, но доступного человеку, который привел свое сознание в состояние полного покоя. Как сказано в Вималакирти сутре, «если сердце чисто, то и все чисто. Если сердце нечисто, то и все нечисто».

Из этого следует, что человеческий ум не «чистая доска», *tabula rasa*, — все, что нужно человеку, уже заложено в нем, и ему остается лишь найти путь к себе изначальному, научиться-

⁸ Говоря словами древнего даоса Чжуан-цзы, «множество вещей живет, а корней не видно: все откуда-то приходит, а ворот не видно. Но все почитают то, что познано, не ведая, что познание начинается после того как, опираясь на знание, познают непознанное» («Чжуан-цзы», гл. 25).

⁹ Сочинения китайской классики. Т. 1. С. 486.

ся пользоваться тем, что заложено в Прабытии, что существует независимо от человека и потому уже истинно. В процессе человеческой деятельности изначально единое сознание принимает по Необходимости разные формы, — лишь разные пути ведут к Единому. По мнению Нисида Китаро, в отличие от восточного мировоззрения в основе западного мышления, начиная с Аристотеля, лежит идея, или «логика Бытия» со всеми вытекающими отсюда последствиями: опора на явленный мир, осязаемый; стремление к определенности, точности, ясности, к количественному накоплению знаний во имя материального прогресса, делающего человека независимым от природы и даже ее хозяином.

Не потому ли Свобода обошла это сознание стороной, что ее искали не внутри, а вовне человека, в условиях существования, а не в преображенной душе? Но вне Истины нет Свободы. Сказано: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными»¹⁰. Однако вопрос Пилата «Что есть Истина?» завис на долгие века, как будто святые не отвечали на него. «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служить друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: «люби ближнего твоего как самого себя»»¹¹. И ответ незамысловат: свобода есть непорабощенность духа плотью, ибо всякая порабощенность есть несвобода. Но эта простая истина не изменила сознание, хотя и прошла поверх времен и в определенные эпохи звучала с особой силой, — «поднимаясь над страстями, душа созерцает целостность и вековечную причинную связанность, постигает независимость истины и Блага, и в нее вселяется успокоение, ибо она уверяется, что все идет хорошо». И тот же Эмерсон продолжает: «Лист, капля, кристалл, миг времени связаны с целым и вносят свой вклад в совершенство целого. Любая частица — это микрокосм»¹².

Рождалось чувство Целого через прозрение целостности отдельного, от малого до великого. Гегель увидел целостность Истории в ее движении к Свободе. Но в обыденном мире все шло по-прежнему, лишь увеличивался разрыв между полетом мысли и приземленностью жизни.

Чем больше расширялась История, тем меньше оставалось места Свободе. Этот разрыв попытался заполнить Ницше, положив на алтарь

свободы свою душу. Но вне души невозможна свобода, таящаяся в одухотворенной душе. Во имя свободы Ницше отвергал все, чему поклонялись прежде, но это «все» было в сфере внешнего, хотя он и дерзнул изменить, превзойти человека. Задумал победить мир, не победив себя. «Свободен от чего? Какое дело до этого Заратустре! Но пусть ответит мне свет очей твоих: свободен для чего!»

Шеллинг и Достоевский предвидели участь сверхчеловека: «Человек, который вымолил себе существование в сверхчувственном мире, превратится в этом мире в мучителя человечества, неистовствующего против себя и других. За унижение в мире ином он хочет быть вознагражден господством над этим миром. Пробуждаясь от блаженства потустороннего мира, он возвращается в этот мир, чтобы превратить его в ад»¹³. И то же беспокойство одолевало Достоевского: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и возшло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным: если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе. Тогда станешь к жизни равнодушен и даже возненавидишь ее»¹⁴.

Ницше проявлял интерес к самурайскому идеалу. Его девиз «стань тем, кем ты есть» близок Дзэн, и все же он далек от дзэнского Пути. В каком-то смысле случай Ницше типичен: он не смог превзойти самого себя, не смог отпустить ум на свободу, которой жаждала его душа, и сорвался в бездну, вместо того чтобы парить над ней. Он хотел вырвать свободу силой, но свободу не вырывают силой. Человек превосходит себя не удвоением себя, а преодолением себя внешнего ради внутреннего. Наконец, Дзэн не отвергает действительность, а учит видеть ее без прикрытия, «как есть», не разделяя, не противопоставляя, не угнетая одно другим, не покаясь времени, как покорился Ницше. Поток времени увлек его в «вечное возвращение», что само по себе исключает свободу.

¹⁰ Ин., 8, 32.

¹¹ Ап. Павел. Гал., 5, 13—14.

¹² Эмерсон Р. Эссе. М., 1986. С. 46.

¹³ Шеллинг Ф.В. Сочинения. Т. 1. М., 1987. С. 85.

¹⁴ Достоевский Ф.М. Собр. соч. Т. 14. Л., 1976. С. 290—291.

Можно сказать, в этом тайна изначального Небытия, или логики «нулевости», когда единичное самоестественно, свободно являет себя из Единого. Потому неприемлем для буддийского сознания ницшеанский сверхчеловек. Индийский писатель Раджа Рао прямо говорит об этом в романе «Змея и веревка»: «Сверхчеловек — наш враг. Посмотри, что случилось в Индии. Шри Ауробиндо хотел, если угодно, улучшить *адвайту* Шри Шанкары, которая была попыткой улучшить цифровое положение ноля. Ноль образует все цифры, с ноля начинается все... Но вы не можете улучшить Веданту (все равно что улучшить ноль), Ноль безличен, в то время как один, два, три — все дуальны. Один всегда подразумевает много, а ноль подразумевает Ничто»¹⁵.

В этом коренное различие в восприятии явлений этого мира: для одного типа мышления они существуют в последовательном порядке, и последующее, как правило, отрицает предыдущее: для другого типа мышления явления существуют одновременно или в параллельном порядке, одни в форме, другие вне формы, невидимо, но они не могут отрицать друг друга. Потому идеалом становится непроявленное Ничто или Ноль, который, все порождая, сам ни от чего не зависит. Для этого сознания Ноль олицетворяет полноту мира, когда ни прибавить, ни убавить (так же характеризуется *Дао*). Улучшить положение Ноля — все равно что улучшить положение Бога. (В Индии уже в первом тысячелетии до н. э. ноль обозначали словом *Шунья* — Пустота, что означало пребывание в совершенном покое истинно-сущего.) Отсюда идеал Недеяния, Ненасилия над природой вещей, которая самопроявляется. Так же, как человек предназначен к самосохранению: спасая себя, спасает весь мир.

Но несомненно и то, что Ницше заострил вопрос свободы до предела: «прямо ткнул ум» человека в ее неизбежность. К этому времени уже мало кто из мыслящих сомневался, что вне свободы нет человека, хотя по-разному понимали путь к ней. Л. Толстой видел причину несвободы в физической сплоченности людей, которую называл «злом мира», по сути — в непробужденном сознании. «Люди, связанные друг с другом обманом, составляют из себя как бы сплоченную массу. Сплоченность этой массы и есть зло мира. Вся разумная деятельность человечества направлена на разрешение этого сцепления обмана.

Все революции суть попытки насильственного разбивания этой массы <...> но, стараясь разбить ее, они только куют ее: сцепление частиц не уничтожится, пока внутренняя сила не сообщится частицам массы и не заставит их отделяться от нее.

Сила сцепления людей есть ложь, обман. Сила, освобождающая каждую частицу людского сцепления, есть Истина»¹⁶.

Созревала почва для такого умственного или духовного настроения, как персонализм. Толстой предугадал его условия: чувство Целого, ненасильственного мира. В восточных учениях он обнаружил нечто родственное собственному пониманию смысла жизни: «Внутреннее равновесие есть тот корень, из которого вытекают все добрые человеческие деяния... Путь неба и земли может быть выражен в одном изречении: “В них нет двойственности, и потому они производят вещи непостижимым образом”»¹⁷. Отсюда неизбежно вытекает идея ненасилия: два суть одно, которое не может вступать в борьбу с самим собой. В состоянии борьбы пребывает лишь двойца, то есть разделенное на два, так что одно волей-неволей поглощает другое. На смену дуализму, расколовшему мир на части, превратившему его в арену «борьбы всех против всех» (по выражению Гоббса), приходит осознание имманентности сущему единого начала, или того типа связи, когда одно не существует за счет другого, а соединяется с ним, по выражению святых отцов, неслиянно и нераздельно.

После уроков первой половины XX века, войн и революций, возмущивших энергию до предела, подспудно шел обратный процесс — соединения разрозненного, но не путем насильственного присоединения одного к другому, как было прежде. Так соединять можно лишь части какого-то механизма, «часть» же, по определению, не может быть свободной, обречена на все большее дробление, увеличивая меру несвободы, энтропии. Теперь же, и есть тому свидетельство, пришло время соединения иного рода, естественного единения в духе через пробуждение внутренней сути отдельного, на что и уповал Толстой.

Нужно было пережить ужасы XX века, чтобы ощутить неоднозначность Реальности, увидеть смысл и уникальность каждой человеческой жизни, которая столь же бесконечна, как Время, в каждом миге которого присутствует вечность. Поначалу это самоосознание человека принима-

¹⁵ *Raja Rao. The Serpent and the Rope. L., 1960. P. 207.*

¹⁶ *Толстой Л.Н. В чем моя вера? 1884 г.*

¹⁷ Цит. по: *Буланже П.А. Жизнь и учение Конфуция. М., 1903. С. 38.*

ло форму «контр-культуры», бунта против «одномерного человека», против «линии», расщепляющей одно на два, что делало свободу невозможной в принципе, ибо не может быть свободной односторонность, обреченная на борьбу со своей неузнанной половиной. Неизбежность поворота от разрозненности к единству явила собой русская философия, объявившая на рубеже веков «борьбу за Логос» или жизнь в Духе. Нужно осознать мысль в Природе и природу в мысли, вернуться к Природе как Сущему, — взывал Вл. Эрн. Но этот процесс, предваряющий свободу личности, был насильственно приостановлен. Нужно было очень постараться, чтобы противостоять процессу высвобождения индивидуальной сущности, или ходу духовной Эволюции. Задержать его можно лишь на время, даже не задержать, а не замечать вселенских Перемен. Пусть люди мало поумнели, сознание меняется само по себе, само по себе восходит к Духу, что, естественно, не может не сказаться на образе мысли самого человека, который становится открытым, «прозрачным» для благодати.

Каждый народ, как и каждый человек, неповторим, обладает своей индивидуальной сущностью. Разнообразие — условие единства. Всякая монотонность — слов или звуков, красок, мотивов поведения — действует угнетающе на психику. Не потому ли, что мешает самоестественному процессу общения одного с другим, вселенскому ритму или «предустановленной гармонии», по Лейбницу. Истинное единство достигается самораскрытием сущности, ее завершением, когда внешняя форма приходит в соответствие с внутренней, изначальной, неповторимой и универсальной, сопрягая все между собой в едином созвучии. Этому единству, к которому устремляется все сущее, препятствовало падшее сознание, отделившее Землю от Неба, человека от Бога, слово от Логоса. Чтобы избежать саморазрушения, ум возвращается к себе изначальному. Меняется вектор сознания, расширяется угол зрения: склоняется от горизонтали к вертикали, от количественного измерения — к качественному, от внешней формы — к внутренней. Не приносит одно в жертву другому, а признает недвойственность, целостность сущего, присущность духа самой материи, свидетельствуя о рождении целостного мироощущения.

Соответственно меняются художественные и научные подходы: методика, логика. Самоза- рождаются принципы неопределенности, не-

предсказуемости (теории относительности, вероятности), признается универсальность закона самоорганизации и необратимости движения времени по вертикали (синергетика). Проявление все той же тенденции к соединению разрозненного ради целостного существования или продолжения жизни. Пройдя цикл развития под знаком «отрицания отрицания», наука преодолевает односторонность, разъединенность субъекта и объекта, убеждаясь в их нерасторжимости: наблюдатель сопричастен наблюдаемому и ответствен за него. Таков непреложный закон Бытия: одному не предназначено быть только субъектом, другому только объектом вопреки «предустановленной гармонии», что меняет в корне господствующий более двух тысячелетий тип отношений между тем и этим, тобой и другим. Главное, происходит переосознание самой природы Единого: только завершённое, реализовавшее свою индивидуальную сущность, т. е. не «часть» и не состоящее из частей может быть единым. Образуется сингулярная модель, или тот тип сознания, когда в каждой точке круга видится центр или целое, что соответствует дзэнскому постулату *«одно во всем и все в одном»*.

При таком видении встречаются традиции: в настоящем проступает прошлое, в прошлом — настоящее: в западном полушарии — восточное, в восточном — западное. Изначально Восток и Запад есть в каждом человеке, в историческом процессе какое-то из начал доминировало, прорабатывалась определенная программа, подготавливая грядущую Встречу. Теперь весы склоняются к Востоку, знаменуя конец человеческого диктата, предоставляя природе сущего самореализоваться, т. е. стать свободной. Веками искали свободу вне Истины или вне Целого, в мире дробном, детерминированном несвободным сознанием. В предчувствии Свободы все начинает преобразовываться, притягиваться друг к другу, находя свою половину: ум и сердце, чувство и разум, прошлое — настоящее, человек — природа, одно обретает себя через другое, возвращая сущему целостность.

Бердяев называл наступающую эпоху эпохой новой духовности, манифестацией Духа Святого: стяжание благодати приведет к просветлению сущего, к обожению человека. В Третьей Ипостаси Святой Троицы раскроется, наконец, божественность мира, мира естественного, как он есть, но просветленного, преображенного. И все вторичное, зависимое, порождающее ежечасно рабство, отойдет. «Божественное вдохновение как бы уничтожает человеческое «я»». Но в этом же цель дзэнского Пути. Философ признает Дух первичным, отождествляя его со свободой, ви-

дит в духовной жизни возможность прорыва из замкнутого цикла зависимостей к конкретно-универсальному. «Дух личен и раскрывается в личности, но он наполняет личность сверхличным содержанием <...> Основной признак духовного царства, что в нем нет родового, массового, коллективного, что в нем все индивидуально-лично и вместе с тем конкретно-универсально, соединено»¹⁸.

Можно сказать, само сознание подошло к необходимости решения извечного противоречия между «царством необходимости» и «царством свободы», освобождаясь от закона противоречия, довлеющего над ним более двух тысячелетий. Не наращивать противоречия в борьбе с ними, а проникать на ту глубину, где их нет, — во внутреннюю суть вещей. Зачем насильно соединять то, что и так едино? Нужно лишь не мешать единому самоосуществиться. Само Время возвращает себе свободу или подводит к осознанию Свободы. Возвращая себе свободу, обретает целостную природу. Бердяев различает три времени. *Космическое* — естественная смена природных явлений — по кругу, как сменяют друг друга четыре времени года. *Историческое* — устремление вперед — по прямой, оно потому уже лишено полноты, целостности, что линейно, одномерно. И *экзистенциальное*. Бердяев сравнивает его не с кругом и не с прямой, а с точкой, с той абсолютной точкой, которая олицетворяет полноту Единого. «Все, что совершается в экзистенциальном времени, совершается по линии вертикальной, а не горизонтальной. По линии горизонтальной это лишь точка, в которой происходит прорыв из глубины на поверхность. Всякий творческий акт совершается во времени экзистенциальном и лишь проецируется во времени историческом. Все великое в истории и есть прорыв в экзистенциальном плане. Поэтому в истории есть прерывность. В истории есть метаистория, которая не есть продукт исторической эволюции»¹⁹.

Экзистенциальное время — внутреннее, оно не исчисляется, это всегда прорыв из количественной, или дурной, бесконечности в бесконечность качественную — есть духовный акт пробуждения, обожения человека. В «акте целостного духа» происходит прорыв из трехмерного измерения в четырехмерное, из горизонтальных связей в вертикальную ось, соединяющую

индивидуальную душу с верховным Разумом. Это всегда прорыв в Ничто, Небытие, но это небытие нельзя описать, сделать объектом понятийного мышления. «Неточно было бы сказать, что небытие есть, существует. О нем нужно сказать, что оно имеет экзистенциальное значение, значение в судьбе человека и мира. Духу присущ логос, и он вносит во все смысл. Но вместе с тем дух иррационален, внерационален, сверхрационален»²⁰.

Вместе с тем все три времени одновременны, заданы изначально и присутствуют в каждом моменте, в каждом человеке, что опять-таки сближает Бердяева с дзэнским отношением ко времени как единству движения и покоя. С дзэнским, или традиционно японским. В Японии не воспринимали время линейно, одномерно, как количественный отсчет часов, напоминающий о пределе человеческой жизни. Вот как пишет Кавабата в повести «Красота и печаль»: «Время течет, но течет множеством потоков. Внутренний поток времени подобен реке: в одних местах быстротечен, в других затихает или вовсе останавливается, образуя заводь. Космическое же время едино для всех. Однако у каждого человека свое, индивидуальное время. Для всех время течет одинаково, но каждый проходит через него по-своему».

А Дайсэцу Судзуки скажет: «Каждый миг человеческой жизни в той мере, в какой он стал выражением внутренней сути, изначально, божествен, творится из Ничто и не может быть восстановлен. Каждая индивидуальная жизнь, таким образом, есть великое произведение искусства. Сумеет или не сумеет человек сделать ее превосходным, уникальным шедевром, зависит от степени ощущения Пустоты (санск. *Шунья*), действующей в нем самом»²¹.

Не случайно проблема Времени оказалась в центре внимания философов. Можно вспомнить Бергсона, Хайдеггера. Возвращается ощущение «как бы двойного бытия», ощущение многомерности времени: одно уходит безвозвратно, другое пребывает вечно — то самое «вечное теперь», в котором живут святые подвижники от Бл. Августина до исихастов и дзэн-буддистов. Ап. Павел переживает время как «живое», как «свершение», а не временную последовательность.

В апофатическом богословии есть представление об обратимом времени. По Экхарту,

¹⁸ Бердяев Н.А. Дух и реальность. — Философия свободного духа. М., 1994. С. 374, 370.

¹⁹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Париж, 1939. С. 217.

²⁰ Бердяев Н.А. Дух и реальность. С. 380.

²¹ Suzuki I.D.T. Mvsticism. Christian and Buddhist. L., 1957. P. 31.

можно в единый миг возвратиться к своему изначальному пребыванию в общении со Святой Троицей и в этот миг вернуть все «утраченное время».

В 20-е годы прошлого века А.А. Ухтомский разделяет понятия физического времени — равномерного, безличного потока — и психологического времени, способного возвращаться в прошлое как настоящее, переживать былое как сущее. Время индивидуализируется, очеловечивается, становится субъективным, не оттого ли распадается, «выходит из берегов»? «Минута, освободившаяся от порядка времени, воссоздает в нас, в нашем ощущении человека, свободного от порядка времени» (М. Пруст. «Найденное время»). И тоска о «потерянном рае» в «Поисках утраченного времени» у того же Пруста. Все свидетельствует о пробуждении чувства изначальной Свободы, заданной человеку, но не во имя свое. Насколько непросто рождалось это чувство, сколь нелегко менялась структура сознания, свидетельствуют почти все работы, касающиеся Времени. Можно сравнить, например, «Время и бытие» Хайдеггера (1962) с «Бытием-Временем» Догэна, несмотря на разделяющие их почти семь веков. Но в подсознании у Хайдеггера предпочтение движения покою. У Догэна покой изначален, един, недвойствен с движением, исходящим из Небытия: не последовательная смена «теперь», а «вечное теперь», единственное и вездесущее²².

В этом, как говорилось, вся разница систем отсчета: в основе одной системы заложена программа *движения, действия*, располагающая к последовательному ряду. В основе другой — программа *покоя, недеяния*, сопряженная не с последовательным, а одновременным порядком, целостностью сущего. Но это и позволяет им дополнять друг друга.

В наступающей эпохе эта разница идет на убыль в процессе встречи Востока и Запада. Не то чтобы одно брало от другого то, чего ему не хватает, но другое помогает вспомнить свое, забытое или неосознанное, переосмыслить привычное и обнаружить ту глубину, которая раньше оставалась неведомой или ведомой

только святым. На этой глубине Свобода, как и Время, предстает несотворенной, извечной, недоступной тварному человеку, но и не закрытой для него, доступной тому, кто преобразился, избавился от тварности. Если Свобода извечна, она не может не явить себя человеку, живущему в Истине.

Этому движению к себе свободному, каким ты был до своего рождения, и учит *Дзэн*. Не в этом ли причина не убывающего к нему интереса в европейской культуре, пришедшей к отрицанию личности через ее «атомизацию», отсечению от Целого и ищущей дорогу назад, к человеку истинному. «Возвратиться к вселенной, отказать от мучительной обособленности: стать Богом, — убеждает Г. Гессе, — это значит так расширить свою душу, чтобы она снова могла объять вселенную <...> Этим путем шел Будда, им шел каждый великий человек»²³.

Дзэн берет начало в китайском *Чань*, но в Японии достигает предела, самореализуется. Если же явление реализуется в полной мере, завершается, то становится всеобщим, по закону Бытия или Целого. Не перечислить тех, кто нашел в *Дзэн* ответы на мучившие их вопросы, от Матисса до Сэлинджера, а теперь и в России один за другим выходят переводы *дзэнских* мастеров. Естественно, *Дзэн* не мог бы получить такого размаха, если бы не отвечал потребностям духа, меняющегося сознания. Можно сказать, само сознание меняется в том направлении, которое сближает его с *Дзэн*, предвосхищая Путь человечества в третьем тысячелетии. Повторю: не потому, что *Дзэн* влияет на умы, а потому, что ум повернулся к Свободе.

Почему так важно осознать, что мир переходит в новую фазу, фазу Свободы? Потому что это некая роковая черта, которая требует осмысленного шага перед выбором жизни или смерти. Может быть, впервые в истории сам человек должен определить свою судьбу, чтобы неминуемая свобода не застала его врасплох. Лишь познав Истину, он может стать свободным. Вне Истины он обречен на рабство и преступления. Слишком много свидетельств несет XX век об ужасах превратно понятой свободы, начиная от

²² «Время — единство настоящего, прошедшего и будущего — представляют исходя из Теперь. Уже Аристотель говорит, что то, что от времени *есть*, т. е. присутствует, это каждое Теперь <...> Так увиденное время оказывается рядом последовательных Теперь, из которых каждое, едва названное, сразу исчезает в “вот только что” и уже гонимо наступающим “вот сейчас” <...> Правда, философия от своего начала, когда бы она ни задумывалась о времени, спрашивала последовательных Теперь друг за другом» (Хайдеггер М. *Время и бытие*. М., 1993. С. 397, 400). Т. е. и Хайдеггер, сколь ни отошел от традиционного взгляда, не мог пока выйти за пределы архетипа «вечного возвращения» и все же последовательного восхождения: «И пути мысли хранят в себе то таинственное свойство, что мы можем проходить их вперед и назад, так что даже путь назад впервые ведет нас вперед» (Там же. С. 279). Похоже, время для него оставалось все же «вещью в себе», в отличие от древних провидцев, как Бл. Августин или Мейстер Экхарт.

²³ Гессе Г. *Избранное*. М., 1977. С. 258.

идеи мирового господства и сверхрасовых притязаний. А в наше время пример разнузданной свободы —возрастающая наркомания, терроризм, наводящий ужас на человечество, не осознавшего его истоков. Притом, заметьте, чем активнее борются с наркоманией, террором, преступлениями, тем более они разрастаются. Не потому ли, что, видя следствия, не решаются заглянуть в причины. Но никакую болезнь не вылечишь, не зная ее источника. Может быть, эта необузданная энергия есть проявление того же рвения к свободе, но свобода за счет других, свобода вне Пути, предназначенного человеку, превращается в свою противоположность. Оттого мнящие себя свободными бывают зависимы даже более, чем рабы, лишённые свободы. Волю к Свободе уже нельзя остановить, как нельзя остановить законы Бытия, но неодушевленная Разумом свобода несет погибель себе и другим²⁴.

Весь ход человеческой истории есть акт приближения человека к самому себе истинному. Дзэн это делает в формах искусства, воплощая ответы в молчании, в односложных *коанах*, в свободных звуках театра *Но*, в свободных жестах чайной церемонии или в спонтанных движениях кисти в рисунках тушью — *сумиэ*²⁵.

Недаром названия дзэнских или традиционных искусств Японии заканчиваются иероглифом «путь» — «до» (*тя-до* — путь чая, *ка-до* — путь цветка или поэзии, *сё-до* — путь каллиграфии и т. д.). Путь очищения сознания, избавления от порабощения себя собой. Так же свободно перетекают стихи в «нанизанных строфах» — *рэнга*, когда один поэт переключается с другим, прямо от сердца к сердцу, не прерывая духовного настроя не только с внутренним собеседником, но и со всем, что видит вокруг: с цветами, деревьями, птицами. И та же непосредственность в дневниках Басё. Нет ничего выше того, что видишь и слышишь, «как есть» (*коно мама*), и ничего не нужно приукрашивать, лишь увидеть вещь в ее глубине, почувствовать биение ее души (*кокоро*).

Басё наставлял учеников: «Возвысь сердце до переживания сатори и вернись в мир обыденный» (*Такаку кокоро-о саторитэ дзоку-ни каэрубэси*). Тогда увидишь «форму бес-

²⁴ Потому я и сочла возможным обратиться к теме «Дзэн как свобода», или к «первоначальному достоинству божьего человека» на языке христиан.

²⁵ Из размышлений Д. Судзуки: «Художники говорят: “Если в картине присутствует дух, этим все сказано”. Форма сама по себе не занимала их. Они стремились передать кистью то, что движет ими изнутри. Они и сами не отдавали себе отчета в том, как выразить внутренний дух, и выражали его криком или ударом кисти. Может быть, это вовсе и не искусство, ибо нет искусства в том, что они делали. А если есть, то очень примитивное. Но так ли это? Могли ли мы преуспеть в “цивилизации”, иначе говоря, в искусственности, если мы всегда стремились к безыскусности? Именно в этом заключалась цель и основа всех художественных исканий. Но сколько искусства скрывается за кажущейся безыскусностью японского искусства! Его недосказанность преисполнена глубокого смысла. Эта совершенная безыскусность! Когда она выражает дух Вечного одиночества, тогда мы начинаем понимать суть сумиэ и хайку» (*Suzuki D.T. Zen Buddhism. Selected Writings. N. Y., 1956. P. 287—288*).

форменного, услышишь голос беззвучного», ощутишь в изменчивом Неизменное (*фуэки-рюко*).

Как сказать —
В чем сердца суть?
Шум сосны на сумиэ.

Это хайку дзэнского поэта Иккю. А пять веков спустя мастер Судзуки добавит: «Поскольку все мы принадлежим одной Вселенной, созданное нами может соответствовать тому, что мы называем объектами природы. Но не это главное в искусстве. <...> Если кисть художника движется сама собой, рисунок сумиэ становится завершенной в самой себе реальностью, а не копией чего-то. И горы на рисунке реальны в том же смысле, как реальны Фудзияма, и облака, ручьи, деревья, волны, фигуры — все реально, так как дух художника побывал в этих линиях, точках, мазках»²⁶.

Если все есть единая Реальность, то нет того, что разделяло бы ее на противостоящие части. Все становится единым, если обретает себя. Тому свидетельство учение Синрана (1173—1262), основателя школы «Истины Чистой Земли» Будды Амида. Сколь ни разнятся пути Амидаизма и Дзэн, у них есть общая Основа. Дзэн есть путь *дзирики*, что значит полагаться на себя, на силу своего духа. Путь Синрана — *тарики*, что значит полагаться на силу другого, на милосердие Будды Амида. Но в этой системе нет места противоборству: где ум недвойствен, там все недвойственно, одно есть оборотная сторона другого. Последователь Будды Амида, монах Рёнин (1072 — 1132) сообщает об «истинном знании», которое открыл ему сам Будда Амида: «Один человек — это все люди; все люди — один человек. Одно деяние — все деяния. Это называется возрождением (в «Чистой Земле») при помощи силы другого — *тарики*. Десять миров заключаются в одной мысли»²⁷.

Умение видеть душу вещей, а не их подобие, не могло не сказаться и на характере японского языка. У греков идея «начала» как «власти—*архе*», точка отсчета причинно-следственного ряда рождает линейное, алфавитное мышление со всеми вытекающими отсюда последствиями (устремленность вперед, понимание прогресса как количественное наращивание, отсечение прошлого во имя будущего, пренебрежение отдельным, индивидуальным и т. д.). На буддийском Востоке отношение к сущему предопределила вера в изначальность Небытия, которое само по себе исключало «точку отсчета», какое-то конкретное «начало», что и привело к типу мышления, которое можно назвать «иероглифическим». Этому типу мышления соответствует не линия и не круг, а точка — коррелят Небытия, или многоточие. Иероглиф в отличие от понятия, многозначен, это своего рода голографический образ-символ, олицетворяющий связь не по горизонтали, а по вертикали, что отразилось на характере письменности (близко тому, что Бердяев имел в виду под прорывом в экзистенциальное время). В Японии вертикальные строки читаются сверху вниз, текст начинается не с первой страницы, а с последней, — с нашей точки зрения, от конца к началу. Движение как бы на-

²⁶ Suzuki D.T. Zen Buddhism. P. 281—282.

²⁷ См. о Рёнине в кн.: Буддизм в Японии. М., 1993. С. 182.

правлено вспять, к тому идеальному образцу, который самоосуществился в «эру богов» и был утрачен в процессе деятельности человека, отошедшего от богов.

Разница двух типов мышления удивительным образом проявляется в рассуждениях Хайдеггера «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим» (1954). Проясняется «потаенное существо языка» японцев, которое невозможно понять, не видя его источника в Ничто, в неопределенности, в намеке. Суть в не сказанном, а в несказанном.

«Намек есть весть просвечивающей сокровенности»²⁸. А по Д. Судзуки, «все вещи появляются из неведомой бездны тайны, и через каждую из них мы можем заглянуть в эту бездну <...> Когда же чувства достигают высшей точки, мы замолкаем <...> Мастер Дзэн двумя-тремя словами или двумя-тремя ударами кисти способен выразить свои чувства. Если он выразит их слишком полно, не останется места для намека, а в намеке заключена вся тайна японского искусства»²⁹.

На вопрос, каким словом японцы называют «язык», японец отвечает: *кото ба*. *Ба* означает «листья», «лепестки цветения». *Кото* — это нечто всегда одновременное, восторгающее, то, что каждый раз на невозвратный миг приходит к явленности в своей прелестной полноте. «В одном нашем старом японском стихотворении неизвестный поэт воспеваает взаимное благоухание вишневого и сливового цвета на той же ветви, — говорит японец. — Но кто бы из нынешних мог бы тут услышать отзвук существа языка, которое именует наше слово *кото ба*, лепестки цветения, распускающиеся из светлой вестии производящей милости»³⁰.

Т. е. и язык, а может быть, язык в первую очередь обладает полнотой, как бы существует сам по себе, в свободе. Потому никто не может ему указывать, куда идти, потому приобщает к восторгу мира, где издавна ликовали боги—*ками*, вложившие в слово душу (*кото дама*). Так или иначе, трудно не заметить разницу с языком понятийным, явившимся вследствие разделения мира на субъект и объект: человек распоряжается языком, или думает, что распоряжается, организует его по своему усмотрению. В той же мировоззренческой системе, где не было деления на субъект и объект, все непредвиденным образом вытекало из Небытия, и язык воспринимался как Богом данный. Слово нельзя определить, по-

тому что оно бесконечно, как любое явление этого мира, питается из единого источника.

«Речь, понятая в своей значащей полноте, выходит за грани физически-чувственного своей фонетической стороной, и притом постоянно. Язык как озвученный, записанный смысл есть нечто в себе сверх-чувственное, за простую чувственность постоянно перешагивающее <...> Наше мышление, если я вправе его так назвать, знает, правда, нечто подобное метафизическому различению: однако ни само различение, ни тем самым различаемое в нем не поддаются закреплению в западных метафизических понятиях»³¹.

Из свободы, непринуждения Пустоты-Небытия все рождается в свободе, резонируя на сердце человека. Без этого чувства невозможно понять ни одного *коана*, ни искусства *Но*, ни путь чая, ни поэзию *хайку*. Все рождается из Пустоты, само по себе, как есть (*коно мама*), поэт лишь настраивает свою душу в унисон сущему. «Затаенный японский мир, вернее сказать, то, что есть он сам, Вы ощущаете в игре *Но*... Японская сцена пуста... Когда, например, должен появиться горный пейзаж, актер медленно поднимает открытую ладонь и неподвижно держит ее на высоте бровей над глазами... Для нас пустота — высшее имя для того, что Вы скорее всего назвали бы словом “бытие”»³².

Полнота языка, или его «пустотность», не оставляет места диалогу, диалогической культуре. Диалог возможен там, где есть «два», или Единое воспринимается в двоичной системе, что само по себе приносит в мир соперничество, недоверие, тревогу. Не случайно *авидья* — неведение ассоциируется с двухзначной логикой, а там, где «два», там несовпадение интересов, борьба. Поэтому буддийскую логику называют логикой Пустоты, Ничто. По словам Синрана, «Пустота есть природа Будды. Природа Будды есть Таковость. Таковость есть Недеяние» или полный покой, позволяющий каждому хранить свою природу. Можно сказать, для японцев не одно есть два, а два есть одно. Диалог возможен с самим собой, чтобы быть услышанным другими. Можно сказать, это та форма монолога, которая открыта или прозрачна для всех, потому что личность не замыкается на себе. Еще более общению способствует затаенное молчание.

Наверное, и Хайдеггера удивили размышления японца на этот счет. «Существует ли диалог как записанный, или он отзвучал как некогда

²⁸ Хайдеггер М. Время и бытие. С. 297.

²⁹ Suzuki I.D.T. Zen Buddhism. P. 287.

³⁰ Хайдеггер М. Время и бытие. С. 301.

³¹ Там же. С. 289.

³² Там же. С. 289, 301.

произнесенный... Ход такого диалога должен был бы иметь особенный характер, которому отвечало бы больше молчание, чем говорение»³³. Ничто не исчезает, ничто не появляется, все пребывает здесь и сейчас, видимо и невидимо. Но коли так, если изначально все едино, то не могут не встретиться и языки, — сколь ни различны они по форме, существо их родственно, а различие притягивает формы друг к другу. «Во время перевода, — признается прозорливый японский ученый, — со мной часто бывало так, словно я странствую от одного языкового существа к другому, однако при этом мне временами мерцал свет, дававший предчувствовать, что сущностный источник в корне различных языков должен быть одним и тем же»³⁴.

Стоит ли удивляться, что и в мире сокровенного происходят знаменательные перемены, и наш язык все более тяготеет к символу. Слово как бы уходит в себя, вовнутрь, к утраченному центру, чтобы было чем соединиться с духовными сущностями. Можно сказать, «алфавитный» стиль мышления склоняется к «иероглифическому», в чем я убедилась на конференции «Нелинейный мир. Языки науки и искусства» (Суздаль, июнь 1999 г.). Реакция зала на мой доклад «О первичности языка» свидетельствовала о насущности темы. Мне тут же показали графические рисунки Алексея Трубецкого «Чужие письмена». «Письмена», которые перестали быть «чужими». Рождение нового языка от встречи древней письменности с чувствами современного человека, слова — с графикой, иероглифом, о смысле которого каждый догадывается по-своему, входя в созерцательное состояние. («Что получаешь в созерцании, отдаешь в любви» — по Экхарту).

«XX век дал миру абстрактное искусство, отвергающее фигуративное изображение. Ассоциативность восприятия, являющаяся обычной для человека Востока, проникла на Запад — в Европу и Америку. Появление иероглифического абстракционизма (Г. Гартунг) показало, что художественная и духовная сторона иероглифа почувствована и оценена, а его знаковая (но не смысловая) сторона подвержена модификации западными художниками. Точно так же клинописные таблички с их загадочной красотой притягивали Пауля Клее. <...> Выявляется только эстетическое восприятие текста как изобразительного знака. Это один из уровней познания смысла чужих письмен, знаков. Мы можем его

найти, почувствовать, не зная языка, на котором они написаны»³⁵.

Поистине, не разница исчезает (дух индивидуализирует), а непонимание, когда расширяется сознание. Преобразилась сама линия, штрих, перестал быть однозначной прямой, бездушной, холодной. Не потому ли, что поверх «Черного квадрата» появился светлый, «Белый квадрат», давая пространство жизни: «И тьма не объела его».

А вот размышление журналистки из Саратова, где и живет Алексей Трубецкий (доктор медицинских наук: и наука преображается, даже опережая философию): «В начале было Слово» воспринимается нами как аксиома. Но какое? Устное или письменное? А может быть, изображенное в виде загадочного абстрактного знака, краткой формулы, подразумевающей Имя или смысл грядущих событий?»³⁶ Грядущие события уже когда-то свершились, нам остается понять, для чего.

И еще одна встреча — свидетельство меняющегося восприятия мира, меняющегося быстрее, чем кажется. На сей раз я уже не удивилась, когда после конференции «Алтай—Космос—Микрокосм» (Барнаул, июль 1999 г.) оказалась на выставке «Диалог культур». Будто ждали встречи милые моему сердцу рисунки-сумиэ! Два-три штриха по белому — и бездна ненавязчивого юмора. И все же неожиданным было это явление кистью родство душ: «со-звучия... со-чувствия... со-цветия...», настолько естественным было все, к чему прикоснулась кисть художницы. Видимо, в «сокровищнице сознания» (алая виджняна) русской женщины, Елены Волковой, издавна жили эти образы древней и не очень древней Японии, от синтоистских богов—ками до героев театра Но и дальше или ближе к нашему времени, в котором все начинает встречаться.

Мы познакомились. Здесь «слова останавливаются». Вы и сами почувствуете ее душу, если увидите то, чем она не могла не поделиться. А увидев, поймете, насколько сблизилась те душевные потоки, которые, соединяясь, возводят к Изначальному. И это движение души к Духу ощущается не только в манере рисунка, излучающего любовь, или в спонтанной встрече русских и японских поэтов, но в трепетном отношении к каллиграфии, в пробуждении «иероглифического» видения. Елена и сама говорит об этом в аннотации к выставке «Каллиграфические иллюстрации»: «Большим искушением было исполь-

³³ Хайдеггер М. Время и бытие. С. 301.

³⁴ Там же. С. 286.

³⁵ Трубецкий А. Стеновый доклад на конференции «Нелинейный мир. Языки науки и искусства». Графику А. Трубецкого см. в сб.: Языки науки — языки искусства. М., 2000.

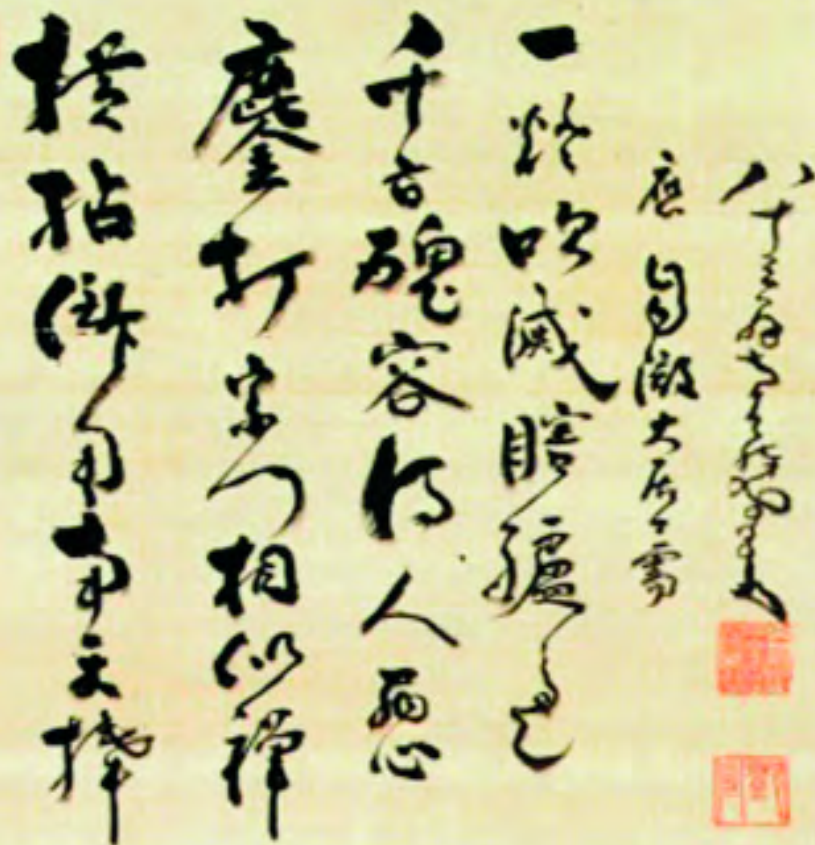
³⁶ Проскурякова Н. Все письма — чужие // Саратов, 25 мая 1999 г.

зовать безусловную и бесконечную красоту иероглифов, точно передающих смысл названия. Но тогда закроется смысл для тех, кто не знаком с языком, и знаки из говорящих станут немymi. Совсем отказаться от изумительной, объемной пластичности иероглифики было тоже выше сил: очень хотелось иметь знак, образ, формулу, собирающие в себе всю мощь и силу, и загадку каждого стиха. Вот это ощущение загадки, тайны и стало помощником в рисовании — придуманных иероглифов, которые рождались спонтанно, естественно, мгновенным всплеском, при размышлении над стихами (в технике — тушь, гуашь)».

Да, надо было пересечь всю Россию с севера на юг, чтобы убедиться в реальности Перемен. «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа»³⁷.

Когда не могу остановиться, работая над статьей, вспоминаю Лао-цзы: «Знающий не говорит, говорящий не знает». И все же не завершить начатое тоже нехорошо. К какому же выводу мы пришли? Конечная цель Дзэн — высвобождение истинного, или Целого человека, каким ты был до своего рождения. Почему это так важно? Потому что целостное сознание хранит целостность жизни, всего сущего: дробное же все дробит на мелкие части. Почему это возможно? Потому что изначально заложено в человеке, для того он и явился в мир Божий. Спасая себя, спасаешь все, поворачиваешь мир с головы на ноги, — в этом буддизм мало чем отличается от других религий. Потому мудрецы и говорят: все пути ведут к Одному. «Будда — это Путь, вселенский Закон, изначальная природа сущего», — говорил монах Дао-шэн (V век), а шестой патриарх Чань (япон. Дзэн) Хуэй-нэн добавит: три тела Будды пребывают в изначальной природе человека. В популярной же в Японии Лotosовой сутре говорится: все будут спасены.

Остальное зависит от самого человека.

Calligraphy of a poem in vertical columns, written in black ink on a light background. The text is arranged in four main columns from right to left. To the right of the main text, there is a smaller column of text and two red seals. The main text consists of the following characters (read from right to left):
一 於 吹 滅 暗 癡 也
千 古 碑 空 作 人 心
塵 劫 劫 字 之 相 以 禪
持 指 佛 心 月 中 天 捧

³⁷ Ин., 3, 8.